

ПРОСТРАНСТВО ИГРИЩ И ТАНЦЕВ (ХЪАЗТ) В ОСЕТИНСКОЙ НАРТИАДЕ

Дарчиева М.В.

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра Российской академии наук и Правительства Республики Северная Осетия – Алания, Владикавказ, Россия (362040, Владикавказ, пр-т Мира, 10), e-mail: m.darchieva@gmail.com

Пространственная система эпического текста несет сюжетообразующую нагрузку и является важнейшим элементом этнической картины мира. В осетинских кадагах (сказаниях) о нартах организация пространства несет уникальный характер, свойственный мифологическому сознанию народа – носителя эпоса. Проведение игрищ и танцев в продолжение пиршества (кывд) требует наличия особого места. Топонимия, имеющая отношение к организации массовых танцев и игрищ, носит вариативный характер и представлена различными лексемами. В рамках анализируемого вопроса целесообразно рассмотрение хронотопа игрищ, связанного с определенным временем и местом проведения хъазт-а. Автор концентрирует внимание на фиксированном дне недели, в который эпические герои организуют массовые игрища, и делает попытку его семантического анализа. В некоторых кадагах о Нартах состязательные игры связаны со временем календарных праздников, имеющих место и в современной традиционной культуре осетин. В статье подчеркивается и сакральный характер эпического топонима, уделяется внимание гендерной стратификации массовых игрищ, а также важности рассмотрения соотношения эпического и реального в указанных текстах.

Ключевые слова: эпос, Нартиада, кадаг, пространство, игрища, состязания, массовые танцы, праздник, хронотоп.

SPACE OF GAMES AND DANCING (QAZT) IN THE OSSETIAN NARTIAD

Darchieva M.V.

North Ossetian Institute of Humanities and Social Studies after V.I. Abaev of the Vladikavkaz Science Centre of Russian Science Academy and Government of North Ossetia – Alania, Vladikavkaz, Russia (362040, Vladikavkaz, Mira avenue, 10), e-mail: m.darchieva@gmail.com

The spatial system of the epic text is plot-load and is an essential element of the ethnic structure of the world. In the Ossetian kadags (legends) about Narts the space organization is unique, peculiar to the mythological consciousness of the people – the carrier of the epic. Organizing merrymaking and dancing during feasts (kwyvd) requires a special place. Place-names associated with the organization of mass dancing and games is the have variants and are represented by different words. The consideration of time-space associated with a particular time and place of hazzt is appropriate as a part of analyzed question. The author focuses on a fixed day of the week in which the epic heroes organize mass merrymaking, and tries to give its semantic analysis. Race games in some of Narta kadags related to the time of calendar holidays that occur in modern traditional culture of Ossetians. The article emphasizes the sacred character of the epic place-name, the attention is paid for gender stratification of mass games and dancing as well as the importance of considering the relation between the real and epic in these texts.

Keywords: epos, Nartiad, kadag, space, games, competitions, mass dancing, feast, time-space.

Пространственный код осетинского Нартовского эпоса сконцентрирован вокруг страны Нартов (*Нарты бæстæ*) с центром – селением Нартов (*Нарты хъæу*), – которое разделено на три квартала (*æртæ сыхы*) согласно делению самих Нартов на три рода – *Алагата*, *Бората*, *Æхсæртæггата*: «Ахæм хуызы Нартæй равзæрдис æртæ сыхы, кæнæ æртæ Нарты: Уæллаг Нарт – Бората, Астæуккаг Нарт – Æхсæртæггата ‘мæ Дæллаг Нарт – Алагата». Таким образом, из Нартов образовались три квартала, или три Нарта: Верхний Нарт – Бората, Средний Нарт – Ахсартæггата и Нижний Нарт – Алагата» [17] (здесь и далее перевод наш. – М.Д.). В данном отрывке наблюдается выстраивание

пространства по горизонтали, хотя лексемы *уеллаг*, *астæуккаг*, *даллаг* (верхний, средний, нижний) характеризуют и вертикальную ось.

Устойчивое сочетание слов «*Æртæ Нарты*» часто встречается в текстах осетинских кадагов, хотя упоминается и другое количество кварталов или улиц, составляющих *Нарты хъæу* (селение Нартов) – семь или пять. Отметим, что числа с сакральной символикой – три, пять, семь в осетинской традиционной культуре несут особую смысловую нагрузку, являясь эпитетами многих объектов и своеобразными кодовыми обозначениями сакральности [9].

Все три Нартовских рода равноправно участвуют в военных походах, советах и пирах, неотъемлемой частью которых, наряду с ритуальным застольем, является *хъазт* (игрища, массовые танцы). Согласно этимологии В.И. Абаева, *хъазт* – ‘игра’, ‘пляска’, ‘танцы’; *бахыл хъазт* – ‘джигитовка’ [2], тут же автор указывает, что полисемия ‘игра’ – ‘пляска’ встречается часто в качестве сравнения приводя славянские языки.

Правомерно отнести торжество к праздничному времени, отличающемуся от времени бытового [8]. Соответственно, и праздничное поведение отличается от повседневного и требует специального места проведения. В осетинских Нартовских кадагах таким местом является *Зилахар / Зилахары быдыр / Зилахар-быдыр* – поле в стране Нартов для проведения различного рода игрищ и состязаний – *дугъ* (скачки), *фатæй хъазт* (стрельба из лука), *хъабысæй хæст* (борьба), *хъулаей хъазт* (игра в альчики) и др. – с целью выявления наиболее сильного из нартовских юношей, либо с целью испытания кого-либо из героев. Описание топонима *Зилахар* дано в двух научно-популярных словарях, один из которых составлен Т.А. Гуриевым [7], а другой – Х.Ф. Цгоевым [19]. Этимологически первая часть топонима *Зилахар* восходит к глаголу *зылын* – ‘вертеть(ся)’, ‘вращать(ся)’, ‘кружить(ся)’, ‘крутить(ся)’, а вторая связана с древнеиранским и древнеиндийским *-каг-* ‘делать’ [3].

В некоторых *кадагах* о Нартах название поля для игрищ имеет и другие варианты: *Хъазæнфæз* (*Хъазæн фæз*) / *Хъазæнлæгъз* (*Хъазæн лæгъз*) / *Хъазæндон* / *Симæнфæз* / *Симæндон*, *Хъæдласæн* / *Хъæдласæны стыр фæз*, *Нарты Стыр фæз*, *Æвзарæн фæз*, *Лакъондон*. В составе предложенных топонимов лексемы *фæз* – площадь, равнина, плоскость; *лæгъз* – ровное место, площадь; *дон* – в значении «место». Логично, что пространство игрищ и танцев в эпических текстах является неким полем или равниной.

В контексте сюжетов и мотивов целесообразно рассмотреть нескольких функций *хъазт*-а: *хъазт* как массовое состязание; *хъазт* как испытание одним героем другого; *хъазт* как продолжение кувда / пиршества. Все указанные функции *хъазт*-а в осетинских эпических текстах проявляются практически равнозначно. Об инициационном контексте *хъазт*-а пишет З.К. Кусаева, анализируя с этой точки зрения игру в камни (*кадаг* «Игры Батраза») и ритуальный танец нартов *симд* [10; 11].

Массовое состязание нартовской молодежи включает обычно несколько видов игр, в которые вовлечены либо исключительно сами нарты, либо нарты и их враги, и в этом случае игра является формой выявления сильнейшего из героев и предотвращением военных действий. Записанный в Южной Осетии кадаг «*Къуыппыл шараг алдары фырт ама Батыраж*» («Сын алдара, живущего на холме, и Батраз») отличается употреблением лексемы *ерыс*, заменяющей *хъазт*, что характерно как раз для южноосетинских текстов. А в современном осетинском языке *ерыс* в значении «соревнование», «состязание» используется чаще, нежели *хъазт*.

В кадагах о Нартах встречается членение пространства игрищ при массовых состязаниях: «*Нартае 'ртæ дихы удысты: иу ран фатахсан кодтой, иннае ран – дурæппарæн, артыггаг ран та ерыскафт кодтой. – Нарты были поделены на три группы: в одном месте стреляли из лука, в другом месте бросали камни, в третьем месте состязались в танцах*» [17]. Организация нартовских состязаний иногда не укладывается в один день, а занимает несколько дней. И здесь проявляется особый хронотоп эпического текста: «*Дыккаг бон та уæхскхæстæй хъазыдысты Нартае. – А на второй день они состязались в борьбе* (букв. *уæхск* – плечо, *хæст* – сражаться)» [17].

Равнина для игр в другом кадаге выступает в качестве конечной точки ритуальных скачек *дугъ*: «*Дугъ та уыдзæн Ахъ денджыз ама Хъара денджызы ахсан сакъадахæй Нарты хъазæн лæгъзмае. Хъазæн лæгъзы – тырыса сагъд... – А дугъ будет проходить от острова посреди морей Ахъ и Хъара до нартовской равнины для игр. На равнине установлен флаг...*» [15].

Большой интерес с точки зрения хронотопа представляет время проведения *хъазт-а*. *Майрамбон* (пятница) – день недели, в который эпические герои назначают состязания. В пятницу же, согласно эпическим текстам, происходят судьбоносные сражения нартов с их врагами. Мы предполагаем, что в осетинских эпических текстах проявляется культовое значение данного дня недели, поскольку он выступает точкой отсчета праздника, длившегося обычно три дня (как и в традиционной культуре осетин) и, следовательно, достигавшего своего апогея в воскресный день – *Хуыцаубон* (букв. день Бога). Как праздник в традиционной религии осетин, так и состязания в Нартиаде длятся три дня.

В некоторых *кадагах* состязательные игры связаны со временем календарных праздников, имеющих место и в современной традиционной культуре осетин. Так, скажем, праздник *Къутуганæн* носил аграрный характер, в этот день специально готовили конусообразные булочки. «Они символизировали сапетки для хранения зерна, – писал В.С. Уарзиати, – и имели с ними одноименные названия – *къуту*. <...> В день праздника устраивали соревнования по стрельбе: кто быстрее и больше собьет выпеченных фигурок

къуту. Победитель получал в качестве вознаграждения сбитые булочки своих товарищей и был своеобразным героем дня» [18]. Отражение этого обнаруживается в текстах Нартиады: *«Къутугананты Донбеттырты фæсивæд фат æмæ ‘рдынаей хъазыдысты. Фатæй æхстой карæдзийы къутутæ. – Во время праздника Къутуганан молодежь Донбеттыров состязалась в стрельбе. Они стреляли из лука по къуту друг друга»* [17]. И здесь устраиваемые игры являются закономерным продолжением праздничного ритуального застолья.

С.Г. Гагиев в монографии «Осетинские национальные игры» писал: «У осетин игры и состязания проводились на всех религиозных праздниках, но, главным образом, на общеушельских празднествах, которые продолжались иногда от трех до пяти дней. Так, в Алагирском ущелье на празднества собиралось все население ущелья. Здесь проводились игры и состязания между отдельными фамилиями. Основными видами игр были стрельба, скачки, поднятие тяжестей, метание камня, переход через горную реку Ардон по бревну, борьба, восхождение и бег на гору и т.д.» [5]. Эти и другие национальные игры, как видим, нашли отражение в Нартовском эпосе осетин.

Проведение игрищ на указанном поле связывается с базовым концептом осетинской духовной культуры – *æгъдау* (закон, обычай, традиция, норма поведения, правило, порядок, этикет, приличие, нрав и т.д.): «Нарты фæсивæд сфæнд кодтой: *«Бирæ дугты Хъазæн лæгъзы куы науал ахъазыдыстæм; не ‘гъдауттæ куы фæрох уыдзысты, нæ кадджын хъæзтытæ. Абон майрæмбон, иннæ майрæмбоны Хъазæн лæгъзмæ чи нæ рацауа, уый хистæгæй уацайрагæй ивар фæкæндзыстæм. – Долгое время мы уже не играли на нашей равнине; забудутся наши обычаи, наши славные игры. Сегодня пятница, того, кто не придет в следующую пятницу на Хъазан лæгъз, мы накажем»* [15].

На важность проведения игрищ для нартовского общества указывает и факт тщательной к ним подготовки. Следует отметить, что именно *кадаг «Нарты Хæмыц æмæ Сайнаг-алдар куыд фæбыцау сты»* / «Как повздорили Нарт Хамыц и Сайнаг-алдар» [17] являет собой один из ярчайших примеров организации пространства игрищ и описания собственно игр и состязаний нартов.

Конкретизация рассматриваемого вида пространства происходит при введении в текст уточняющих топонимов: *«Уырызмаг цыд хæцынмæ фат æмæ æрдынаей Хъазæн фæзмæ, Бæрæг обаумæ Нарты богалтимæ, уæйгуытимæ. – Уырызмаг шел на Хъазан фаз к Бараг обау состязаться Нартовскими богатырями, с уаигами в стрельбе из лука (букв. бæрæг – известный, определенный; обау – курган, холм)»* [12]. На равнину для игрищ слетаются сыновья небожителей, чтобы поиграть с Нартами. Таким образом, данный топоним в *кадагах*

является своего рода связующим звеном между миром небесным, в котором обитают святые покровители, и миром земным, в котором располагается *Нарты хъæу*.

Различного рода состязания, в свою очередь являвшиеся логическим продолжением *кувда* (ритуального праздника), оканчивались известным массовым танцем *симд*. Более детальное описание пиршества с кульминацией в виде знаменитого нартовского *симда* и состязаний, объединенных в осетинском языке лексемой *хъазт*, приводится в работе В.И. Абаева «Нартовский эпос осетин»: «Кульминации своей достигало пиршество, когда начинался знаменитый нартовский пляс – «симд». Этот старинный своеобразный и стильный массовый танец даже сейчас при хорошем исполнении производит впечатление внушительное. Помноженный на нечеловеческую мощь и темперамент нартовских титанов, он, по уверению сказаний, сотрясал землю и горы и являл из ряда вон выходящее зрелище» [4]. Примером тому может служить отрывок: «*Райсомæй Нартæ сæ Хъазæнфæзмæ 'рымбырд сты 'мæ сарæзтой сæ диссаджы симд. Хæхты уонг кæмттæ нарыдысты се мдæгъдмæ, дæттæ сæ цыд фæурадтой, сырдатæ 'мæ цæм мæргътæ 'рыхъуыстой, стæй цæм хур дар худгæ ныккасти.* – Утром Нарты собрались на свое **Поле для игрищ** и стали танцевать (букв. построили) удивительный *симд*. **До самых гор по всем ущельям** слышался шум рукоплесканий, реки приостановили свой бег, звери и птицы их слушали, и солнце, улыбаясь, смотрело на них» [17].

Именно в описании танца нартов *симд* сказителям удавалось подчеркнуть особую связь народа с природой, когда каждому движению вторит вся земля:

Къуыридаргъы дын нартон хистæртæ
Æнæмæт бадынц, хæрынц, уæд нуазынц,
Æхсæвай-бонæй хæстон фæсивæд
Æйтт, зæгъгæ, кафынц, хъазынц, уæд
зарынц.
Æмызмæлд кодта бæстæ сæ кафтмæ,
Цин кодта дуне сæ диссаг зардмæ.
Мæргътæ сын къордгай сæ зараг кодтой
Æмæ сæ сæрмæ æмызмæлд кодтой.
Хъæддаг сырдатæ сæм уæд æрыхъуыстой,
Тулдз бæлæстæ сæм сæхи æнкъуыстой,
Зарыдысты сын урс æхсæрдзæнтæ,
Хæхтæй хъырныдтой айнаг къæдзæхтæ,
Уæд дуне хъуыста Нартæн сæ зардмæ,
Уæд дуне змæлыд Нартæн сæ кафтмæ.
Сæ кафтæй сау зæхх сæ быны змæлыд,
Сæ кафтæй хæхтæ æмткæй рызтысты,
Сæ кафтæй денджыз йæ бынтæй сыхсыст,
Йæ сау улæнтæ фæйлыдта дардмæ,
Йæ фырцинæй сæ æхста уæларвмæ.
Денджызы 'рфæнтæй уæд рацыдысты
Доны царджытæ – уæд Донбетгыртæ,

В течение недели нартовские старейшины
Сидят беззаботно, едят, пьют,
Ночью и днем отважные воины
От всей душе танцуют, играют и поют.
Их танцу вторила земля,
Радовался мир их удивительной песне.
Птицы стаями пели их песни
И летали над ними в такт.
Дикие звери стали прислушиваться,
Дубы покачивались в их направлении.
Пели им белые водопады,
С гор подпевали отвесные скалы,
Тогда Вселенная слушала пение Нартов,
Тогда Вселенная шевелилась под танец
Нартов.
От их танца содрогалась у них под ногами
черная земля,
От их танца все горы росли,
От их танца с самого дна закипело море,
Черные волны реяли вдалеке,
От радости оно подбрасывало волны до неба,
Из морских глубин вышли тогда

Денджызы былмæ уæд рахызтысты,
Нарты стыр кафтмæ дардæй кастысты,
Нарты стыр кафтыл дисæй мардысты
[16].

Жители воды – Донбеттыры,
Вышли они на берег моря,
Смотрели они на великий танец Нартов,
Удивлялись они грандиозному танцу Нартов

Приведенный отрывок подтверждает идею о гармонизации вертикальной структуры, о единстве человека с природой и космосом, поскольку *хъазт*, как видим, охватывает все части Вселенной – землю, небесный и подводный миры.

На наш взгляд, особую смысловую нагрузку исполняемого ритуального танца передает синонимический ряд глаголов: *симд самадтой / саразтой* (букв. построили *симд*), *симдыл ныххæцыдысты* (взялись за *симд*), *симд стынг* (*симд* усилился). Последнее словосочетание, по В.И. Абаеву, говорит о характере танца, начинавшегося в медленном темпе, постепенно ускорявшемся и достигавшем «такой бурной силы и стремительности, что более слабые участники рисковали в нем целостностью своих конечностей и даже жизнью» [4]. Таким образом, и танец являлся своего рода *заключительным* состязанием, в котором выявлялись сильнейшие.

Согласно «Историко-этимологическому словарю осетинского языка», *аразын* – направлять, сооружать, строить, делать, отделывать, наряжать [1], *амайын* – складывать, сооружать, строить, стругать [1]. Представленные лексемы не исчерпывают многозначности глаголов *аразын* и *амайын*, однако ни в одном из словарей осетинского языка не отражено свойственное им значение, связанное с организацией *симда*. Отчасти это может быть объяснено тем, что устойчивые словосочетания *симд саразын / симд самайын* являются устаревшими и встречаются только в фольклорных текстах. Все вышеперечисленные перекликающиеся значения двух указанных глаголов обнаруживают свою актуальность, если знать, что нартовские юноши танцевали *симд* по кругу в несколько ярусов (юноши верхнего яруса становились на плечи тем, кто танцевал в нижнем ярусе и т.д.), выстраивая при этом подобие башни. И в настоящее время осетинская молодежь исполняет этот танец на религиозных праздниках, называя его *Нартон симд* (Нартовский симд).

Издавна характерное для сознания осетин восприятие пространства, нашедшее отражение в эпосе, и в настоящее время существует в сложившейся традиции. Так, В.С. Газданова писала: «В структуре пространства культовых комплексов, как правило, были места, где после моления и обрядовой литургии устраивались танцы и игры. Назывались они *симды фæз* (поляна симда). Так, в культовом комплексе Реком в Цее была поляна недалеко от святилища Мады Майрам, где после ритуального пира веселилась молодежь...» [6].

Поле для игрищ является местом сбора нартовского войска перед ответственным походом [13]. Помимо того, что *Зилахар* является местом проведения игрищ и танцев, в некоторых *кадагахо* Нартах – это место, выбираемое героями для охоты [13], а в некоторых

случаях – место дележа добычи после возвращения из военного похода *балу* [12], хотя чаще для этих целей есть специальная площадь – *Уарæн фæз* (поле для дележа).

Для выгона на зимние пастбища стада крупного рогатого скота, принадлежащего нартам, собирают на указанном поле. Сакральный характер рассматриваемого эпического топонима подтверждается сюжетом о женитьбе Сослана на красавице Бедухе, жившей в летающей башне и всячески пытавшейся ускользнуть от него, однако, в конце концов, Бедуха сажает летающую башню на поле *Зилахар* [13]. О драматической борьбе Сослана с колесом Балцага, настигшем его на указанном поле, где герой уснул после утомительного дня, пишет Т.А. Гуриев [7].

Кроме указанного топонима и его вариантов, в осетинской Нартиаде встречаются и другие обозначения пространства для игрищ. К примеру, *Сахъолай уынг* – квартал, где Сослан играл в заговоренные альчики, устанавливая правила. Т.А. Гуриев обозначает местность *Сакола (Сахъола)* [7], Х.Ф. Цгоев называет её *Сахъолай уæзæг* [19], где *уæзæг* – возвышенность, холм, бугор.

Сахъола-дон – еще один вариант названия поля для игрищ («*Нарт æрæмбырд сты Сахъола-донмæ амæ уым хъазыдысты амæ кафыдысты*. – Нарты собрались на **Сахъола-дон** и там играли и танцевали» [14]). В эпосе также встречается топоним *Сахъандоны ныхас* (ныхас Схъандона) и, очевидно, его вариант *Лахъондоны ныхас*. Интересно, что жители Куртатинского ущелья указывают точное расположение местности с таким названием близ селения Лац.

Таким образом, в осетинских эпических текстах пространство для игрищ обладает чертами, отличающими его от пространства бытового и, наоборот, соотносящими с праздничным пространством. Представления о пространстве неотделимы от хронотопа игрища, связанного с определенным временем проведения *хъазт*-а. В рамках заданной темы целесообразно также рассмотрение соотношения эпического и реального, поскольку осмысление пространства происходило в прочно укрепившейся в сознании народа традиции, нашедшей яркое отражение в эпических сказаниях осетин.

Список литературы

1. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. – М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1958. – 656 с.
2. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. II. – Л.: Наука, 1973. – 449 с.

3. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. IV. – Л.: Наука, 1989. – 325 с.
4. Абаев В.И. Избранные труды: Религия, фольклор, литература. – Владикавказ: Ир, 1990. – 640 с.
5. Гагиев С. Г. Осетинские национальные игры. – Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1958. – 80 с.
6. Газданова В.С. Золотой дождь. Исследования по традиционной культуре осетин: Сб. научных трудов / Под ред. Р.С. Бзарова. – Владикавказ: РИО СОИГСИ, 2007. – 438 с.
7. Гуриев Т.А. Кто есть кто в аланской нартиаде. Словарь. – Владикавказ, 1999. – 96 с.
8. Дарчиева М.В. «Праздничное время» в эпических сказаниях и традиционной культуре осетин (на примере праздника Аларды) // Фундаментальные исследования. – 2013. - №4 (Часть 4). URL: http://rae.ru/fs/?section=content&op=show_article&article_id=10000525 (дата обращения: 12.09.2013).
9. Дарчиева М.В. Числовая символика в Нартовском эпосе осетин // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации. Сб. научных трудов. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. – С. 145-156.
10. Кусаева З.К. Эпико-ритуальная модель мировосприятия в этнической культуре осетин // Гуманитарные исследования, 2011. - №4. – С.21-27.
11. Кусаева З.К. Гендерный контекст обрядов инициации в мифо-ритуальных практиках осетин // Вестник СОГУ, 2011. - №4. – С. 253-259.
12. Нартовские сказания: Эпос осетинского народа. Книга 1. – Владикавказ: Ирыстон, 2003. – 592 с.
13. Нартовские сказания: Эпос осетинского народа. Книга 2. – Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В.А. Гассиева, 2004. – 896 с.
14. Нартовские сказания: Эпос осетинского народа. Книга 3. – Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В.А. Гассиева, 2005. – 712 с.
15. Нартовские сказания: Эпос осетинского народа. Книга 5. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010. – 766 с.
16. Нартовские сказания: Эпос осетинского народа. Книга 6. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011. – 544 с.
17. Сказания о Нартах; В пяти томах. Том I / Сост. К.Ц. Гутиев. – Орджоникидзе: Ир, 1989. – 496 с.
18. Уарзиати В.С. Избранные труды: Этнология. Культурология. Семиотика / Сост. В.А. Цагараев, Е.М. Кочиева. – Владикавказ: Проект-Пресс, 2007. – 552 с.
19. Цгоев Х.Ф. Словарь осетинской мифологии и быта. – Владикавказ: Ир, 2005. – 232 с.

Рецензенты:

Фидарова Р.Я., д.фил.н., профессор, главный научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра Российской академии наук и Правительства Республики Северная Осетия – Алания, г.Владикавказ.

Бесолова Е.Б., д.фил.н., доцент, ведущий научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра Российской академии наук и Правительства Республики Северная Осетия – Алания, г.Владикавказ.